

„Socialisticheski Vestnik“
„Le Courrier Socialiste“
„Der Sozialistische Bote“

REVUE BIMENSUELLE

Prix — 4 frs

Organe Central du Parti
Socialdémocrate Russe
141, rue Broca (bât. 11)
PARIS (13e)

СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ВЕСТНИК

Центральный Орган Российск. Социал-Демократ. Рабочей Партии
Основан Л. МАРТОВЫМ. Выходит 2 раза в месяц.

№ 17 (445)
19-й г. издания

Подписная цена для Франции, Бельгии, Чехословакии, Польши и Югославии: за год — 100 фр., за ½ г. — 50 фр., за ¼ г. — 25 фр., для С.А.С.Ш.: за год — 6 долл., за ½ г. — 3 долл., за ¼ г. — 1,50 долл.; для остальных стран: за год — 150 фр., за ½ г. — 75 фр., за ¼ г. — 40 фр. За перем. адр. — 1 фр. Конт. и ред.: 11, Square Albin Cachot (141, r. Broca), Paris XIII. Тел.: Port-Royal 05-25. Chèques Postaux • Le Courrier Socialiste • — 359,84 Paris. Прием по делам ред.: по понед., средам и пятницам, от 11—1 ч.

29 Сентября 1939 г.

СОДЕРЖАНИЕ

О нападении Сталина на Польшу (резолуция Заграничной Делегации РСДРП).

Р. Абрамович. Сталин и мировая революция.
Леон Блюм о Сталинской политике.

Ф. Дан. Под гром пушек (Мысли вслух).

Отто Вельс (некролог).

Le sommaire: De l'invasion stalinienne en Pologne (résolution de la Délégation à l'Étranger du Parti). Th. Dan. Au tonnerre des canons (Pensées parlées). — R. Abramovitch. Staline et la révolution mondiale. — Léon Blum sur la politique stalinienne. — Otto Wels (nécrologue).

О нападении Сталина на Польшу

С чувством величайшего негодования и возмущения Загр. Делегация РСДРП встретила весть о вторжении советских войск в Польшу, истекающую кровью в неравной борьбе против гитлеровских полчищ.

Этим актом неслыханного цинизма сталинский режим, на котором уже тяготеет кровавая ответственность за развязавший войну германо-советский пакт, становится прямым сообщником всех преступлений гитлеризма.

Сталинская деспотия сама срывает с себя те революционные одежды, в которые она долго рядилась, и в глазах мирового пролетариата сама разоблачает себя, как господство выродившейся национально-империалистической клики, павшей до уровня гитлеризма.

Сталинское правительство, давно оторвавшееся от народных масс и террором насилующее их волю, этим окончательно порывает со всеми традициями и принципами пролетарского социализма. Никакие ссылки на чужие преступления и ошибки, никакая декламация об «освобождении угнетенных национальностей», никакие намеки на таинственные революционные планы, которые

Сталин якобы связывает с моментом истощения воюющих сторон, не смогут оправдать преступления сталинизма.

Разрыва советско - германского пакта, демократической ликвидации сталинского единодержавия, как необходимого условия для возвращения Советского Союза в анти-гитлеровский фронт — вот чего должны требовать трудящиеся Советского Союза и всего мира для освобождения человечества от гитлеровского варварства и для спасения русской революции, демократии и социализма.

ЗАГРАНИЧНАЯ ДЕЛЕГАЦИЯ РСДРП:

Председатель: Ф. Дан.

Члены Делегации: Р. Абрамович, Г. Аронсон, Б. Гуревич-Двинов, М. Каммермахер-Кефали, Б. Николаевский, С. Шварц, А. Югов.

Париж, 19-го сентября 1939 г.

Ф. ДАН.

Под гром пушек

(Мысли вслух)

Когда около года тому назад я указывал на «германо-советский пакт», как на одну из возможных перспектив, открывающихся с «мюнхенского перепутья», и подчеркивал связь между курсом внешней политики Советского Союза и тенденциями внутреннего развития его, я не предполагал, что «союз СССР с нацистской Германией» будет делом рук самого Сталина. Как и за полгода до того*), я продолжал думать, что только более или менее насильственно устранившие Сталина и свободные от всяких революционных традиций преемники его «могли бы легко столкнуться с германским нацизмом, либо откупившись от него кусками «дорогого отечества», либо став активными участниками его грабительских походов на другие страны, прежде всего — на Польшу и Прибалтику, Балканы и Китай». Для меня не было сомнения, что «Сталин пролагает путь к «германской» переориентации внешней политики» Советского Союза, но я думал, что «вряд-ли суждено ему самому пожать плоды тех злаков, которые он сеет».

Думал я так «не потому, что Сталин не захотел бы совершить и это преступление перед трудящимися массами Советского Союза и всего мира, если бы оно могло укрепить его шатающееся единодержавие, а потому, что он его совершить не может». Мне казалось, что по всему своему прошлому Сталин — «слишком компрометирующая фигура», чтобы окончательно торжествующая контр-революция захотела сделать его «своим знаменосцем», и что «по той-же причине он вряд-ли сможет оказаться и на международной арене подходящим партнером для воинствующего (не только, так сказать, материально, но и идейно!) нацизма». Я думал, что Гитлер не захочет, и Сталин не сможет. И в том, и в другом я ошибся. Гитлер захотел, и Сталин смог. Правда, я и до сих пор думаю, что, подписывая германо-советский пакт, оба партнера были уверены, что «войны не будет», а все дальнейшее вытекало из этого пакта хотя «логически», но неожиданно для них самих. Но это дела не меняет.

Заклучив германо-советский пакт, Сталин дал Гитлеру возможность напасть на Польшу и, следовательно, разделил с ним ответственность за развязывание европейской и мировой войны. Двигая в самый критический момент свою армию в Польшу, Сталин не только помогает Гитлеру громить несчастную страну, но облегчат ему переброску сил на западный фронт, т. е. непосредственно содействует усилению позиций и шансов нацизма в начинающейся войне. Возвещая о своем намерении совместно с Гитлером восстанавливать «порядок» в совместно растерзанной ими Польше, Сталин сам свидетельствует об одинаковости понимания ими «порядка», сам утверждает родство олицетворяемых ими политических «идеологий». Не преемники Сталина, а сам Сталин воплощает в своей особе законченную эволюцию тех «бонапартистско - нацистских» тенденций, носителем которых давно уже стало его единодержавие. Заканчивая эту эволюцию, Сталин порывает последние нити, связывавшие его еще с пролетарским социализмом, и, каковы бы ни были еще дальнейшие зиг-

заги его политики, закрывает себе все пути к возвращению в русло классового рабочего движения. Решительный разрыв с «сталинизмом» и для рабочих-коммунистов становится неременным условием — я говорю не об извне навязываемом, а о внутреннем, психологическом и идеологическом, условии! — их участия в этом движении.

Чтобы Гитлер захотел принять Сталина в партнеры, нацистский режим в Германии должен быть гораздо больше идейно, социально и политически разложен изнутри, чем это могло казаться. Чтобы Сталин мог принять протянутую ему руку Гитлера, его единодержавие должно было еще гораздо больше оторваться от трудящихся масс и быть еще гораздо меньше доступным их воздействию, чем это можно было предполагать. Констатации этого факта было бы уже достаточно, чтобы признать необходимость серьезного пересмотра многих тактических позиций международного и русского социализма. Но пересмотр этот, которым придется заняться вплотную, делается совершенно неизбежным в виду той совершенно новой ситуации, которая создана невероятным поворотом Сталина, сделавшим Советский Союз, как государство, соучастником нацизма в преступном развязывании войны и — по крайней мере, на первых стадиях этой войны — его прямым союзником.

Это, конечно, отнюдь не значит, что надо выбросить за борт те общие представления о тенденциях и движущих силах мирового развития вообще и развития Советского Союза в частности, которыми должна определяться основная стратегическая линия международного и русского социализма и по отношению к начавшейся войне, и по отношению к борьбе против сталинского режима, и которые до сих пор не только не опровергнуты ходом событий, но им с каждым днем подтверждаются. Наоборот, только в свете этих представлений может быть оценена новая ситуация и разрешена та основная задача, которая встает теперь перед международным и русским социализмом: борьба за разрыв германо-советского соглашения и за возвращение Советского Союза в анти-нацистский фронт.

**

Эта задача отнюдь не безнадежна. Сталин перевернулся. Но перевернулся не он один, и вряд-ли это последний его поворот. В смысле расстановки фигур на международной арене сегодняшней день катастрофически непохож на то, что считалось неизменным вчера. Но нет ни малейших оснований именно сегодняшние международные группировки считать окончательными.

Гигантскими подспудными силами рожден нынешний военный ураган, и гигантские подспудные силы сам он будит и призывает к действию. В аналогичную, если не по существу, то по глубине своего социального содержания, эпоху наполеоновских войн десятки раз срывавшие с традиционных корней государства меняли и свои границы, и свои сочетания. Можно думать, что и теперь немало времени пройдет, пока, одновременно с выявлением глубинного смысла войны, сложится окончательная группировка держав вокруг тех двух центров, из которых один — нацистская Германия — оли-

*) См. статьи «На мюнхенском перепутье» и «Международные перспективы Советского Союза» в № 19 «С. В.» от 15 октября 1938 г. и «К борьбе за Советский Союз» в № 7 от 15 апреля того-же года.

цетворяет собою попятное движение упадочной капиталистической современности к запустению и варварству, другой — англо-французский блок — возможности развития этой современности вперед и ввысь, к демократическим и социалистическим формам общежития.

Можно и совершенно необходимо изо дня в день следить за всеми конкретными извилинами этого процесса тому, кто хочет не витать в безвоздушном пространстве, а обеими ногами твердо стоять на грешной земле. Но в самом этом повседневном анализе не должен упускать из виду больших линий исторического развития тот, кто не хочет потеряться в плоской эмпирике, уже столько раз вводившей в заблуждение и самые пронизательные политические умы. И, особенно, не должны терять из виду этих больших перспектив те силы, которые по самой природе своей являются носителями будущего, или те партии, которым, как нашей, лишь будущее может вернуть былую силу и придать новую.

Вся печать отмечает те многочисленные и неустрашительные факторы, которые уже подтачивают свежую сталино-гитлеровскую «дружбу» и рано или поздно — скорее рано, чем поздно, — приведут к столкновению между сегодняшними друзьями, быть может, невзначай для самих себя, в силу непредусмотренной ими логики их азартной политики, создавших между собою общую границу. Сталин пользуется тем преимуществом, которое дает ему его «нейтралитет» над Гитлером, придавленным страшной угрозой с запада, чтобы не только захватить себе львиную долю польской добычи, но еще наложить свою руку на галицийскую нефть, закрыть Гитлеру дорогу к румынскому хлебу и нефти и к портам Черного моря и, поставив свою армию на венгерско-словацких рубежах, грозить ему фланговым ударом, если он вздумает через Венгрию пробиваться на Балканы, за необходимым ему продовольствием и сырьем.

Наряду с этими факторами материального и военно-стратегического порядка, подрывающими сталино-гитлеровскую дружбу, французская и иностранная печать немало внимания посвящает и фактору «идеологическому»: не только тому подрыву всех морально-идеологических устоев германского нацизма и гитлеровского режима, который не может не быть следствием внезапного поворота Гитлера к соглашению и союзу с большевизмом, но также и в первую очередь тем «идеологическим» результатам, которые получаются в процессе продвижения советских войск к центру Европы и так существенно отличаются от идеологических результатов оккупации ряда стран гитлеровской армией.

В самом деле: немецкое население оккупируемых им территорий Гитлер еще может пытаться хотя бы временно увлечь убогой «идеями» божественного права германской расы на господство над другими народами. Но этим другим народам — полякам, литовцам, чехам, словакам, венграм, русинам, украинцам, белоруссам, не говоря уже о евреях, сегодня, бесчисленным другим скандинавским, прибалтийским, балканским и т. д. нациям завтра, — что может предложить им Гитлер кроме голого, безыдейного рабства, кроме превращения в людской скот, под кнутом надсмотрщика надрывающийся в работе на германскую «расу господ»? Гитлеровская армия не несет и не может нести на своих штыках никакой идеи, способной хоть на время увлечь, хоть иллюзией поманить низовые миллионные массы какого-бы то ни было другого народа.

Совсем иное — армия советская. В ее поступи этим массам может послышаться отзвук русской революции со всеми ее лозунгами и призывами, действительными и иллюзорными целями и достижениями. И этот «идеоло-

гический» фактор может приобрести колоссальную силу, особенно в тех странах юго-восточной Европы и Балкан, где наличие громадных масс отсталого и недовольного крестьянства создает обстановку, близкую к обстановке до-революционной России. Нужды нет, что советская «идеология» выпотрошена Сталиным, его народными комиссарами, маршалами и генералами. Народные массы могут, при подходящих условиях, воспринимать эту «идеологию» не в ее сталински-переработанном, а в ее первобытно-нетропутом виде. Так в свое время — вспомним еще раз эпоху наполеоновских войн — народные массы Европы воспринимали через посредство армий Бонапарта освободительные идеи Великой Французской Революции, хотя сам Наполеон-император был уже представителем законченной контр-революции, задушившим эту революцию и фальсификаторски пользовавшимся ее лозунгами, формулами и идеями лишь для укрепления своей «тоталитарной» диктатуры.

Это ни на iota не умаляет конечно чудовищности совершенного Сталиным поворота и возмутительности той насильнической и империалистической политики, которую он ведет. Но это напоминает о том, что, если между режимами Сталина и Гитлера можно поставить знак равенства, то нельзя поставить этого знака ни между социально-политической историей возникновения этих братски родственных между собою режимов, ни между тем социально-политическим «тылом», на который опирается или над которым тоталитарно диктаторствует Сталин, с одной стороны, Гитлер, с другой, ни, следовательно, между условиями борьбы в сталинской России и гитлеровской Германии.

Помнить-же это надо не затем, чтобы в какой-бы то ни было степени ослабить борьбу против Сталина и его нацистски переродившегося режима, а затем, чтобы вести эту борьбу целесообразно и с максимальными шансами на успех. Это надо помнить прежде всего затем, чтобы успешно вести против Сталина ту борьбу за разрыв германско-советского соглашения и за возвращение Советского Союза в анти-нацистский фронт, которая, как уже сказано, является в данный момент основной задачей международного и русского социализма.

Но способен ли демократический социализм к выполнению этой задачи и готовится ли он к ней? Вот вопрос, постановка которого не может не вызывать чувства тревоги.

Придется в другой раз поговорить об идеологическом, политическом и организационном состоянии Социалистического Интернационала. Сейчас во всяком случае надо констатировать, что свыше месяца прошло с подписания германско-советского пакта, свыше трех недель со дня начала войны и свыше недели после вступления советской армии в Польшу, — и на все эти события поистине мирового значения, сильнее всего ударившие и по рабочему движению, Рабочий Социалистический Интернационал не реагировал до сих пор ни одним словом. Читатели нашего журнала, находившие на его страницах отражение той «борьбы за Интернационал», которая велась за последние месяцы, можно сказать, — годы, знают, что не внешними только условиями объясняется молчание международного объединения демократического социализма. Или точнее: они знают, что лишь внутреннее состояние самого Интернационала сделало и делает эти внешние условия неодолимыми.

А между тем никогда еще не был так необходим единый международный социалистический центр, способный

поставить перед мятушимися массами ясную цель и указать им путь к этой цели.

Миллионы рабочих, привыкших прислушиваться к голосу коммунизма и видеть в Советском Союзе его чистейшее воплощение, а в Сталине его непогрешимого папу, совершенно сбиты с толку и дезориентированы тем надругательством над всеми идеями и идеалами их жизни, свидетелями которого их сделали неожиданные события. Они готовы подчас хвататься за самые фантастические и невероятные объяснения сталинского поворота, лишь бы, вместе с Сталиным, морально оправдать перед своею совестью свое собственное долготелее прошлое беззаветного служения «сталинизму». Нужно ясное, широко продуманное и стоящее на уровне исторических событий слово демократического социализма, чтобы преодолеть глубокое разочарование этих рабочих миллионов и освободить их сознание от хаоса софистики, который грозит бросить их в объятия реакции и даже привести к нацизму, в соглашении с которым даже действует Москва. И то

же слово нужно, чтобы сделать разбуженные событиями отсталые массы востока и юго-востока Европы участниками великой освободительной борьбы против нацизма, в тиски которого грозит привести их, хотя и кружным путем (а в раскаленной атмосфере войны исторические пути пробегаются быстро!), сталинизм.

Нужно ясное, определенное и твердое слово международного демократического социализма. Он пока этого слова не сказал и как будто неспособен сказать. Нет более важной задачи для социалиста, как упорная, настойчивая, систематическая работа над оживлением и выпрямлением Социалистического Интернационала. И эту работу можно вести с уверенностью в том, что она будет опираться на те гигантские подспудные силы, о которых говорилось выше и которые и во всех партиях Интернационала, каковы бы ни были сегодняшние позиции их большинства, и в самом Интернационале в целом, будут все больше накапливать условия для ее успеха.

23 сентября.

Р. АБРАМОВИЧ.

Сталин и мировая революция

Маккиавелистическая политика Сталина, напавшего с тылу на Польшу, истекающую кровью в борьбе против гитлеровских моторизованных дивизий, лишь на короткое время взволновала общественное мнение буржуазной и официальной Европы. Оказалось, что сталинская политика не явилась неожиданностью для осведомленных кругов, и что там со дня на день ожидали этого выступления Сталина. Оказалось, по сообщению лондонского корреспондента «Фигаро», что еще в переговорах в Москве с представителями Англии и Франции сталинское правительство требовало, сверх «компенсаций» в балтийских странах, еще и уступки Западной Белоруссии и Украины в качестве вознаграждения за свое присоединение к анти-гитлеровской коалиции. А очень осведомленный московский корреспондент нью-йоркского «Таймс» Толишус, еще 3 сентября телеграфировал своей газете, что между Советской Россией и Германией, помимо «пакта о ненападении», заключено еще соглашение о разделе Польши, и что в ближайшем будущем Россия выступит против Польши в союзе с Гитлером. Мало того: как подтверждает официальное немецкое сообщение, даже демаркационная линия между германской и советской оккупацией Польши была намечена заблаговременно...

Но буржуазная и официальная Европа не только не была застигнута врасплох выступлением России, но и моральное негодование, овладевшее ею на первых порах, очень быстро уступило место более спокойным и более всесторонним расчетам. Как купцы, даже самые почтенные и честные, не могут отрешиться от почтительного удивления при виде ловкача, нахватавшего миллионы при помощи не совсем почтенных средств, так и многие уважаемые органы европейской печати с некоторым оттенком зависти подсчитывают приобретения, сделанные Сталиным в несколько дней почти без всяких жертв и без пролития крови: две трети польской территории; 14 миллионов населения; первоклассные стратегические позиции на границе Румынии, Венгрии и Словакии; подступы к Балканам и т. д.

Еще более дальновидные политики высчитывают, что в конце концов не так уж плохо, что Германию от Балкан сейчас отделяет советский барьер, что на восто-

ке Центральной Европы хозяином положения сейчас является не Гитлер, а Сталин и т. д.

Все это может быть и так, и с точки зрения международных отношений, взятых сами по себе, создавшееся сейчас в Восточной и в Юго-восточной Европе положение чревато всякими последствиями, которые еще даже трудно предусмотреть. Но если с точки зрения военной стратегии Советская Россия еще «великий сфинкс»; если с точки зрения буржуазно-национальной политики — Сталин удачливый игрок; а с точки зрения великорусского империализма — сталинская диктатура достойная преемница Ивана Калиты и Петра Великого, — то для нас решающим является совершенно другой подход, подход с точки зрения рабочего класса и социализма — как русского, так и мирового. И тут вещи представляются в совершенно ином свете.

Социалисты, сознательно пережившие начало прошлой войны, еще живо помнят сокрушительный удар, нанесенный всему делу социализма 4-го августа 1914 года голосованием большинства германской социалдемократии. Новым «4-м августа», но в бесконечно потенцированной степени, неизмеримо более губительным по своим размерам и последствиям является сталинский поворот от 23-го августа и 17-го сентября 1939 года.

Но было бы глубокой и незаслуженной обидой сравнить поведение «социал-патриотов» 1914 года с тактикой Сталина. Если в 1914 году многие социалдемократы, до самой последней минуты искренне и честно борющиеся за мир, затем, когда война уже разразилась не по их вине, растерялись перед ужасным напором национализма и капитулировали перед своими господствующими и мелко-буржуазными классами, то сейчас не только самый вопрос о войне и мире находился в руках Сталина и всецело от него зависел, но и вся его губительная тактика по отношению к западно-европейской демократии и социализму была не результатом растерянности, а плодом заранее и тщательно, холодно продуманного плана. Плана, в который, как теперь точно установлено, входил и раздел Польши, и

проект экономического сотрудничества между Советской Россией и III-м Рейхом, т. е. прорыв блокады Германии, этого основного шанса в борьбе франко-британской коалиции против гитлеровской Германии. Таким образом, по своему глубокому анти-моральному характеру сталинское игнорирование международных интересов пролетариата, проведенная им капитуляция интернационализма перед грубо-эгоистическим национализмом и империализмом не может идти ни в какое сравнение с 4-м августа 1914 года.

Сталин не мог не отдавать себе отчета в том, какой эффект его тактика произведет в общественном мнении западно-европейского и американского пролетариата. Начиная с 1934 года вся огромная и мощная машина советской и коминтерновской пропаганды была брошена на разжигание анти-гитлеровских и анти-расистских страстей и эмоций. В печати, в театре, в радио, в кино, — на десятках языков, в тысячах брошюр, журналов, изданий, — неустанно и с недюжинной энергией проповедывалась идея борьбы против гитлеровской агрессии, собиравшая все силы не только пролетариата, но и буржуазной демократии, католиков, евреев, да и кого-угодно, для совместного отражения гитлеризма, как основного врага пролетариата, социализма, Советской России, всего человечества. На тысячах митингов на фабриках, предприятиях, в Красной армии, принимались торжественные резолюции, клявшиеся «дать по рукам гитлеровским агрессорам». Вся испанская кампания в течение почти 3-х лет проводилась почти исключительно под знаком борьбы против распространения гитлеровского и фашистского влияния в Европе. После Мюнхена негодование большевистских и коминтерновских пропагандистов против «буржуазных предателей», предающих гитлеризму Чехословакию, готовых предать ему и Польшу и другие малые государства, не знало пределов. Нет числа речам и заявлениям самых ответственных большевистских политиков, начиная со Сталина, самых знаменитых коммунистических вождей, не оставлявшим никакого сомнения в том что все силы Советского Союза и Коминтерна будут брошены против Гитлера в момент, когда последний посмеет посягнуть на безопасность этих малых или угрожаемых государств.

И после всей этой Ниагары анти-гитлеровской пропаганды, против всего этого фейерверка анти-гитлеровских речей и заявлений — втихомолку и втайне заключенное соглашение с Гитлером на предмет раздела Польши, и внезапное нападение с тылу на страну, подвергшуюся насилию со стороны той самой гитлеровской агрессии, «грязные лапы» которой русские красноармейцы так часто клялись «отрубить».

При всем своем не очень то почтительном отношении к собственным коммунистам и к «лавочке Димитрова» Сталин все же не решился открыто заявить: «я пошел на соглашение с Гитлером, потому что он давал больше, чем демократии». Вместо этого он, с одной стороны, в совместном заявлении с Гитлером постарался объяснить свое поведение необходимостью «восстановить порядок» во внезапно распавшейся Польше, точно Сталин и Гитлер не предвидели, что Польша «внезапно распалется» в момент двойной атаки с запада и востока превосходными силами двух гигантских военных империй. Но чувствуя, что аргумент от «порядка» покажется не очень убедительным рабочим, Сталин лицемерно прибавляет, что вступление советских войск в Польшу было необходимо для «освобождения родных по крови братьев». Если мотив порядка был вольным заимствованием у Муравьева-Вешателя, то подчеркивание освободительной миссии «родных по крови братьев» уже был плагиатом у Гитлера и его расистских те-

орий. Ведь и Гитлер Чехословакию захватил только для того, чтобы освободить угнетенных там судетских немцев; и на Польшу ведь он напал только потому, что не мог больше вынести стонов угнетаемых поляками «немецких братьев по крови». Эта освободительная миссия все больше и больше выдвигается на первый план советской пропагандой. Об этом говорят и аранжированные интервью по радио с «освобожденными» белорусами и украинцами; об этом говорил Молотов в своей речи; об этом пишут передовицы «Известий» и «Правды»; об этом медоточиво декламирует елейный баритон «спикера» в советском радио. Нет ни малейшего сомнения, что Сталин для оправдания своей политики, для замаскирования национальных и империалистических целей, для успокоения разочарования и отчаяния в рядах самих коммунистических рабочих нуждается сейчас в революционной фразеологии, в левой теории, которая подвела бы фундамент под его захватнически-макиавелистическую практику. Предстоит, по видимому, возрождение ультра-левой идеологии, которая должна будет манить разочаровавшийся пролетариат призраком новой мировой революции. Недаром в оккупированных областях наспех проводится аграрная реформа и демонстративно расстреливаются польские помещики; недаром в белорусских и украинских деревнях демонстрируется «Ленин в 1918 году».

**

Нетрудно себе представить, какие могут быть основные линии этой новой ультра-левой идеологии. Она может быть построена на двух элементах: во-первых, на тезисе, что территория мировой революции может сейчас расширяться только через прирост территории Советской России: чтобы освободить народы, надо их присоединять к Советскому Союзу, все равно какими средствами, все равно какими путями и методами, чистыми или нечистыми; во-вторых, час мировой революции для неприсоединенных еще к Советской России народов может наступить тогда, когда обе борющиеся стороны, — Гитлер, с одной стороны, и западно-европейские буржуазные демократии, с другой стороны, — будут настолько изнурены и истощены длительной и тяжелой войной, что либо сами распадутся, либо не смогут оказать серьезного сопротивления все более выросшему, все более усилившемуся Советскому Союзу, который выступит в решительный момент, как верховный арбитр и вершитель судеб мира.

Мы не будем сейчас серьезно разбирать по существу эти пока еще нигде не сформулированные, но носящиеся в воздухе элементы новой коммунистической идеологии. Но оставляя для другого раза (или, вернее, для других разов, ибо к этой теме придется еще не раз возвращаться), анализ международного положения, как оно вытекает из создавшейся сейчас обстановки мировой войны, мы ограничимся только некоторыми указаниями насчет внутреннего состояния того большевистского аппарата, который должен явиться центральной осью этой новой волны мировой революции. Нет ни малейшего сомнения, что когда белорусские и украинские крестьяне делят земли польских помещиков (тут сказываются грехи польских политиков, не сумевших своевременно провести аграрную реформу и другие необходимые мероприятия!), или когда рабочие захватывают фабрики в оккупированных советскими войсками польских территориях, то это для них в данную минуту имеет революционный смысл и вызывает в них соответствующие эмоции. В этом отношении большевистская диктатура может еще иметь объективно-революционное значение для социально отсталых областей, подобно тому, как наполеоновско-цезаристская диктатура несла на себе еще какой-то отблеск французской революции для

стран германских и славянских даже и тогда, когда в своей собственной стране Наполеон перестал уже быть революционером и из якобинца превратился в миропомазанного императора, создавшего новую аристократию, новые господствующие классы, новый королевский двор и все прочие атрибуты по-революционной реставрации.

Но возможно-ли восстановить для самого Советского Союза и для окружающего мира обстановку 1918 года, сколько бы революционных фильмов того времени ни крутили в кинематографах сел и городов оккупированных областей?!

1918 год прошел безвозвратно, и его не воскресить никакой искусственной инсценировкой. Вместо искреннего и честного энтузиазма брутальных, может быть, но беззаветно преданных делу революции борцов, Советский Союз управляется сейчас кликой безыдейных дельцов и политиканов, насквозь разложенных цинизмом и неверием, насквозь разваленных бесконтрольным и безответственным властвованием в течение 20-ти лет, оторвавшихся от народа, изверившихся, лишенных огня, энтузиазма и внутренней честности. И вместо стихийной, снизу идущей революционной волны, быть может наивной, невежественной, фанатичной, но горячей огнем искреннего убеждения, фанатической веры, беззаветной самоотверженности, мы имеем в России искусно, по строго разработанному рецепту холодно и расчетливо подготовленную государственную акцию, маккиавелистически и бесчестно играющую на обмане и невежестве масс, пассивных, изверившихся, десятилетиями приученных к безмолвному послушанию.

Разве мыслимо было не только в 1918 году, но даже и в 1920, во время войны с Польшей, когда красноармейцы кричали «даешь Варшаву», разве мыслимо было в эти годы говорить об освобождении «родных по крови народов»? Не говоря о том, что ведь вот в Словакии и Чехии тоже имеются «родные по крови братья», которых сталинские войска, стоящие сейчас

совсем близко, однако не торопятся «освободить» от тех ужасных цепей, которые на них наложены гитлеровскими бандами. Ведь вот в Венгрии, в Австрии тоже томятся в темницах родные, если не по крови, то по революции братья, которые, однако, почему то тоже не подлежат освобождению.

Ведь в 1918/19 годах не писали в «Правде» или в «Известиях»: «И вот с криком ура! за Сталина! за Родину! наши доблестные войска ринулись в атаку». Тогда, если память нас не обманывает, босоногие красноармейцы бросались в штыки не «за Сталина» и даже не «за Ленина и Троцкого», и не «за Родину», а за 3-й Интернационал, за мировую революцию, за победоносный социализм, за Всемирную Республику Советов! И шли они в эти бои не с разрешения генералов германского рейхсвера, не по предварительному уговору с представителями гитлеровской капиталистической диктатуры, а направляли свои штыки против всех генералов, всех диктаторов, всех капиталистов.

Фальшиво и неубедительно звучат сейчас в советской печати лозунги 1918 года, потому что в самом советском государстве давно уже выветрились и выдохлись вера, энтузиазм и одушевление, которые некогда придавали такую убедительность этим лозунгам; потому что переродился до самого основания тот аппарат, который был и субъективно и объективно народным и революционным «в те годы», но который давно уже превратился в аппарат для подавления и угнетения народных масс. Не возродить революции 1918 года разложившимся и переродившимся советским аппаратчикам: реки крови и грязи, созданные сталинской диктатурой, давно уже залили костер революции в самой России, сделали ее неспособной стать зажигателем «нового мирового пожара». Что в первый раз было трагедией, то во второй раз грозит превратиться в кровавый фарс.

Леон Блюм о сталинской политике

От редакции. — Нападение Сталина на Польшу в явномговоре и союзе с Гитлером еще больше, чем подписание германо-советского пакта, внесло величайшее смущение и растерянность в ряды рабочих-коммунистов и вызвало сильное идейное брожение в их среде. Весь международный пролетариат крайне заинтересован в ходе и исходе этого брожения. Мы полагаем поэтому, что идем навстречу запросам наших читателей, давая перевод серии статей т. Леона Блюма в «Попюлэр», дающих немало данных для суждения и об этом брожении, и о той софистике, которую вожди коммунизма пытаются заранее обезплодить его и фальсифицировать его результаты. Тот фактический материал о ходе англо-французских переговоров со Сталиным и об обстоятельствах, сопровождавших их срыв, который содержится в статьях т. Блюма, разумеется, лишь увеличивает их интерес.

ОБЛИЧАЮЩЕЕ МОЛЧАНИЕ (19 сентября).

...Вопрос о том, поставил-ли себя Сталин, с точки зрения дипломатов, юристов, государственных деятелей, в положение воюющего против союзных держав, меня не интересует. Допустим, что не поставил: поверим ему на слово! И все-же остается несомненным, что, с нашей точки зрения, Сталин поступил как враг всего, что мы любим, во что мы верим, за что мы боремся: свободы людей и народов, справедливости, социализма, мира. Нейтральный или не-нейтральный в формальном смысле этого слова, Сталин напал с тылу на страну, союзную Франции, страну, которой Франция дала свою гарантию, ради защиты которой Франция взяла на себя бремя войны.

И я спрашиваю себя еще раз: возможно-ли, чтобы после такого преступления нашлись французские рабочие и кре-

стьяне, нашлись партийные деятели, всегда свидетельствовавшие о своей верности социалистическим традициям, готовые и впредь выполнять по отношению к сталинскому режиму обет послушания, сохранять, хотя бы в теории, зависимость от него? Нет, это более невозможно. Это невозможно для рабочих и крестьян, все равно — мобилизованных или нет, число которых я не берусь оценить и которым сложная смесь чувств, зачастую достойных уважения, мешала до сих пор порвать свою связь со Сталиническим Интернационалом. Это невозможно и для партийных коммунистических кадров, для выборных представителей компартии. От них не требуется малодушное отречение от своего прошлого. Они должны лишь, и без промедления, формально и мужественно заявить, что вернули себе независимость. Я сказал это вчера. Я это повторяю сегодня, жалея, что приходится повторять. Ни слова со вчерашнего дня. В сообщении, разосланном печати административной комиссией СЖТ, я вижу даже, что коммунистические члены этой комиссии предпочли не участвовать в заседании, чем высказаться по этому жизненному вопросу, и неучастие это беспокоит меня не меньше, чем их молчание. И однако, каждый час на счету, и с каждым часом будет становиться труднее сделать необходимый жест. Допи-сывая эти строки, я даже спрашиваю себя, не совершилось-ли уже непоправимое — вопреки всем моим горячим настоя-ниям.

ГОРЬКОЕ РАЗОЧАРОВАНИЕ (20 сентября).

Я получил второе письмо от Марселя Кашэна*) в ответ на статьи, в которых я, по его словам, «снова нападаю на коммунистическую партию».

Все читатели мои могут засвидетельствовать: у меня не было и намека на желание «нападать» на коммунистическую

*) Первое письмо Кашэн написал т. Блюму в связи со статьей последнего о германо-советском пакте. Ред.

партию. Я заклинал французских коммунистов, в интересах страны, в интересах социализма, в их собственных интересах, порвать наконец всякую зависимость от сталинского деспотизма, отказаться от всякой солидарности с актами, вызывающими всеобщее возмущение и смущающими пролетарскую совесть. Я говорил и повторял им со всею уверенностью и со всею силою убеждения, на которую я способен: «Нельзя терять ни минуты. Найдите слово, жест, интонацию, которые положили бы конец этому невыносимому кошмару. Вам же надо далеко искать. Вам надо лишь дать волю тому, что уже созрело в глубине вас самих...»

Дает ли письмо Марселя Кашэна это слово, этот жест, эту интонацию? Читаю и перечитываю это письмо — и вынужден признаться, что горько разочарован им.

Оно заканчивается, правда, следующими заявлениями, которые я спешу воспроизвести здесь, как воспроизвел в свое время соответствующие заявления его первого письма:

«Что касается нас, французских коммунистов, то нас связывают к нашей стране самые прочные узы. Мы — преданные и верные сыны революционной Франции. Мы первые указали на необходимость принести в жертву все, чтобы сокрушить гитлеровский нацизм. Мы не перестанем указывать на это. Свои лозунги мы получаем только от французского народа. О нынешних необычайных внешних событиях мы судим лишь с точки зрения французских интересов. Мы не слушаемся никаких велений, кроме велений истины, разума и хорошо понятых интересов трудящегося народа нашей страны.»

Эти заявления, несомненно, весьма важны, и я сам подчеркнул выражения, показавшиеся мне особенно характерными и определенными. Но, беря письмо в целом, вот что я констатирую: Марсель Кашэн утверждает, что он и его друзья руководятся лишь велениями «истины, разума, хорошо понятых интересов народа...» Но эта великолепная преданность истине, разуму и пр., и пр. побуждает их не отшатнуться от тех ужасных актов, которые все еще заставляют нас дрожать, а искать недопустимых, непереносных оправданий им.

Я считаю поэтому что мой последний призыв оказался тщетным. Но ограничиться этой констатацией я не намерен. Вся первая часть письма Кашэна, до цитированного мною абзаца, содержит перечень аргументов, которые должны будто бы, с точки зрения «истины, разума и пр.», вести к принятию сталинских актов, к пониманию их или, по малой мере, к откладыванию всякого суждения о них. Те-же самые аргументы были приведены и в меморандуме, составленном коммунистической фракцией палаты. Они, несомненно, станут темой устной пропаганды, распространению или зачаткам которой ничто не сможет помешать. Я утверждаю, как уже имел случай делать, что эти аргументы лишены всякой убедительности и силы, что они основываются на совершенно ложных данных и даже жестоко ударяют по тем, кто так неразумно пользуется ими. Но я не требую, чтобы мне верили на слово. Я не требую этого даже от Кашэна, который, однако, достаточно давно знает меня, чтобы быть уверенным, что в таких дебатах я неспособен выйти за пределы «доказанной истины», но вполне способен оценить большую или меньшую доказательную силу фактов. Поскольку это от меня зависит, я намерен поэтому отнюдь «не оставлять все это в покое», а, наоборот, разобрать и опровергнуть приводимые аргументы.

ПРИГОВОР ВЫНЕСЕН (21 сентября).

Я сказал вчера, что в первой части своего письма Марсель Кашэн перечисляет аргументы, которые неизбежно войдут и, несомненно, уже вошли в арсенал коммунистической пропаганды. Я прибавил, что, по моему мнению, не следует пренебрежительно игнорировать эти аргументы, т. е. дать им войти втихомолку в обиход. Надо, напротив, вытащить их на свет, разобрать их, показать, до какой степени они лживы и возмутительны, опровергнуть их в глазах всех, все равно — коммунистов или нет, кто сохраняет способность к честному и здравому суждению.

Каковы те фактические данные, на которых базируются аргументы Марселя Кашэна? Вот они: «До конца августа СССР предлагал свое содействие для разгрома гитлеровского агрессора... Правители Польши отказались от советской помощи». Кашэн утверждает, что эти два факта «неопровержимы». Он уверяет, что весьма многочисленные документы удостоверяют их точность. Среди этих весьма многочисленных документов одним является телеграмма, разосланная официальным польским агентством и помеченная 24 августа 1939 г. И он приходит к заключению, что «таково происхождение создавшейся в Польше ситуации, что ответственность за нее, в глазах коммунистов, вполне определенно установ-

лена, и что ответственность эта падает не на СССР...» Он не посмел написать, что она падает на Польшу, хотя это и было бы логическим выводом из его рассуждений.

Такова аргументация Марселя Кашэна. За своею личною ответственностью я утверждаю, что она лжива.

Выделим прежде всего жалкую историю с телеграммой ПАТА. Марсель Кашэн позабыл одно: взглянуть на дату. В четверг 24 августа не только была разрушена всякая возможность заключения тройственного пакта, но был уже подписан германо-советский пакт. В самом деле: решительная беседа Риббентропа и Сталина имела место в ночь со среды на четверг. Польскому правительству не приходилось уже ничего ждать от Советов и не было уже причины считаться с ними. Ему приходилось считаться лишь со своим собственным общественным мнением, и под этим углом зрения оно и изобразило потерпевшие крушение переговоры.

Но, сказав это, я утверждаю: 1) что с мая до середины августа Советы ни разу не выдвигали каких-либо трудностей в связи с вопросом о формах помощи, которую они могли бы оказать Польше, и, в частности, о возможном вступлении русских войск на польскую территорию. Наоборот, Советы приняли и вполне одобрили установку, согласно которой тройственный пакт должен был связать их не с Польшей, а с Великобританией и Францией, гарантами Польши. Таким образом Советы ничего не предлагали Польше, и Польше не приходилось ни от чего отказываться.

2) Что вопрос о практических способах помощи Польше и, в частности, о возможном проходе русских войск, до тех пор намерению и по общему согласию откладывавшийся, был впервые поставлен Советами после приезда в Россию военных миссий, т. е. во второй половине августа.

3) Что на вопрос, поставленный Советами в это время, и только в это время, Польша отнюдь не ответила категорическим отказом. Наоборот, к 23 августа, ко дню прибытия Риббентропа в Москву соглашение по этому пункту между Польшей, Великобританией и Францией, с одной стороны, и Великобританией, Францией и Россией, с другой, можно было считать достигнутым.

Таким образом, и речи не может быть о предложении, постоянно возобновлявшемся и упорно отвергаемом. Речь идет об условиях, которые были выдвинуты в последнюю минуту, когда все другие препятствия были преодолены, и которые тоже были в принципе приняты к моменту, когда был заключен Молотовско - Риббентроповский пакт.

Я считаю возможным поручиться за полную точность фактов, только что мною изложенных. Изложение это, думаю я, было необходимо, чтобы убить коммунистические аргументы в самом зародыше. А теперь пойдём дальше и подумаем.

Что означает, в глубочайшем его смысле, аргумент Марселя Кашэна? Факты, на которые он ссылается, ложны, но Марсель Кашэн считает возможным утверждать, что, если бы они были верны, то они снимали бы всякую ответственность с СССР и даже возлагали бы вину за совершившееся на Польшу. Это значит, что, по мнению Кашэна, отказ Польши допустить на свою территорию «красную армию» в качестве защитницы давал бы Сталину право вести ее на эту территорию в качестве агрессора! Более или менее неразумного недоверия Польши, более или менее законного нежелания ее принять известные формы помощи было бы достаточно, чтобы освободить Сталина от взятых им на себя по договору обязательств «не-нападения»; их было бы достаточно, чтобы позволить ему трактовать Польшу как врага, нанести ей удар в спину в момент, когда она согнулась под бременем германского нападения. «Красная армия» должна была таким образом во всяком случае войти в Польшу — либо для того, чтобы ее защищать, либо для того, чтобы ее удушить. Но одно из двух должно было непременно иметь место. И так как Польша оказалась неподатливой насчет способов защиты, то это, по мнению Кашэна, оправдывает удушение. Можно ли придумать аргумент, более возмутительный с точки зрения разума? Еще раз повторяю: факты, которыми он оперирует, ложны. Но выводы, которые он из этих ошибочных фактов делает, возмущают меня больше, чем фактическая ошибка.

И затем надо сделать еще другую констатацию, еще более важную, о которой никогда не следует забывать. Я до глубины души убежден, и думаю, что убежден и Марсель Кашэн, что подписание тройственного пакта сделало бы войну невозможной или бесконечно мало вероятной, между тем как подписание германо - советского пакта сделало ее почти неизбежной. Когда имеешь такое убеждение, то все возражения, оправдания, защитительные речи стоят весьма мало. Сталин расстроил один пакт и подписал другой. Этого достаточно: приговор вынесен.

ВСЕ-ПОВИНОВЕНИЕ (22 сентября).

Я разобрал вчера главный аргумент, которым оперировало письмо Марселя Кашэна. Я доказал, думается, неопровержимо, что никакие оправдания материального, юридического или морального характера не могут ни в малейшей степени снять со сталинского правительства страшную ответственность, которую оно взяло на себя, во-первых, подписав Молотовско-Риббентроповский пакт, и, во-вторых, двинув «красную армию» в восточные провинции Польши. Но по этому второму пункту Марсель Кашэн приводит дополнительные аргументы или, скорее, выдвигает смягчающие обстоятельства. Рассмотрим их в свою очередь.

Надо констатировать две вещи, заявляет Кашэн. Первое — это, что территории, занятые советской армией, находятся в пределах границ, отведенных Версальским договором Советскому Союзу, и что они заселены исключительно русскими, украинцами и меньшинством поляков. Второе — это, что «Советский Союз не хотел дать Германии овладеть ими, как она овладела Чехословакией»: я выписываю эту невероятную формулу дословно.

Итак, оправданием сталинскому правительству служит то, что, без его интервенции, восточными провинциями Польши завладела бы Германия! Я был бы вправе, следовательно, укорять чужое имущество, потому что, если бы я сам этого не сделал, то вместо меня это сделал бы другой мошенник! Кажется, будто бредишь, когда под грудой слов открываешь спокойно излагаемую доктрину такого рода. Отметим еще раз, что она базируется на совершенно ложных фактах. Неверно, будто «красная армия» вторглась в Польшу, чтобы ограбить и извлечь ее от оккупации Гитлером: все, что мы знаем до сих пор, доказывает, наоборот, что обе армии действовали в полном согласии, по предварительному и заранее обдуманному соглашению их поведенителей. Но если бы факты эти и были верны? Стало быть, чтобы помешать Гитлеру наложить руку на кусок Польши, Сталин имел право сам проглотить этот кусок?... Где мы? До какой умственной извращенности доведены люди, многие из которых, несомненно, считают себя вполне добросовестными?

Но этот кусок Польши, возразит Кашэн, на самом деле был куском России. СССР потеряла его лишь после несчастной войны с Польшей; его население не было польским или, по крайней мере, было польским лишь в своем меньшинстве; большинство его было белорусским или украинским... Поостережемся однако. Ведь, оправдание Сталина превращается в оправдание Гитлера; апология Сталина становится апологией Гитлера.

Несправедливость договоров, произвольное проведение границ, этническое родство с большинством населения требуемой территории, — ведь это как раз те самые предлоги, которыми оперировал Гитлер полтора года тому назад, чтобы вторгнуться в Австрию, год тому назад, чтобы оторвать от Чехословакии судетские области, часть Богемии и Моравии. Это те самые предлоги, которые он выдвигал в течение шести месяцев, чтобы требовать от Польши отказа от Данцига, Померании и польской Силезии, Познани. Быть может, Кашэн еще не забыл, что французская коммунистическая печать, как впрочем и советская печать, заклонила Польшу не уступать ни пяди, не капитулировать, не ослабить сопротивление этой угрозе насилем, слишком бесстыдно маскируемой расистскими доктринами и теориями о «жизненном пространстве»? И эти-то доктрины, эти теории сам Кашэн, почти того не замечая, выдвигает в оправдание Сталина!

В том абзаце своего письма, который я цитировал позавчера, Кашэн писал: «Мы первые указали на необходимость принести в жертву все, чтобы сокрушить гитлеровский нацизм; мы не перестанем указывать на это». В предшествующем абзаце он употребляет почти такую-же формулировку: «Гитлеровская Германия остается для нас врагом, с которым следует бороться». Он говорит это с твердым убеждением. Но как-же не замечает он, в какое невозможное положение он поставил себя? Заявлять, с одной стороны, что нужно сокрушить гитлеровский нацизм, а, с другой, именно в его теориях и его практике искать аргументов для оправдания ста-

линского преступления! Утверждать, что гитлеровская Германия остается врагом, с которым следует бороться, и одновременно ссылаться, в оправдание Сталина, на факты, идеи, принципы, на которые, по тому-же праву и с таким-же основанием, мог бы ссылаться и Гитлер перед судом мирового общественного мнения! Между этими двумя позициями имеется зияющее, очевидное противоречие. Мы давно знали, а теперь более жестоко, чем когда либо, ощущаем, к чему ведет всевластие. Но «всеповиновение» — не исходит ли оно яды, не менее смертоносные?

ОТТО ВЕЛЬС

16 сентября умер в изгнании, в предместье Парижа Отто Вельс, которому накануне исполнилось 66 лет.

Рабочий-обойщик, секретарь берлинского союза обойщиков с 1906 г. и секретарь Бранденбургской организации германской социалдемократической партии, Вельс был в 1912 году впервые избран в рейхстаг, с 1913 стал членом Ц. К. (Форштанда) партии, а затем, после революции 1918 года, его председателем и представителем партии в Интернационале.

Отто Вельс — один из самых выдающихся и типичных представителей германского рабочего движения в эпоху Веймарской республики и германской социалдемократии Веймарского периода. Ему больше, чем кому-либо другому, пришлось вынести на своих плечах все колоссальные трудности этого периода, и он-же, как истый «сын народа», как подлинный представитель германского и даже точнее — берлинского рабочего люда, отразил в своих взглядах и в своей политике все достоинства и все недостатки, все добродетели и все пороки социалистического движения этого бесконечно трудного, «переходного» периода.

Лично мужественный и доказавший свое мужество памятными выступлениями в гитлеровском рейхстаге 1933 года, Вельс, несмотря на внешнюю грубоватость своей речи и своих манер, весьма отзывчиво относился к запросам и нуждам социалистических партий, опередивших германскую социалдемократию на том крестном пути нелегальности и изгнания, который стал и ее уделом, как и уделом самого Вельса с 1933 года. В частности, наша партия весьма многим обязана Вельсу за те годы что ее заграничный центр провел в Берлине.

Тело Вельса было предано 21 сентября сожжению в крематории кладбища Пэр-Лашез. Во время траурной церемонии речи были произнесены т. Фогелем от имени Форштанда, т. Леоном Блюмом от имени РСИ и французской партии и т. Абрамовичем от имени русской социалдемократии, так трагически связанной за последние дни с германской тем союзом, который заключили между собою диктаторы обеих стран. Заграничная Делегация нашей партии выразила германским товарищам свое глубокое соболезнование и возложила на гроб Вельса венки.